

С.О. ШМИДТ

ТРУД АКАДЕМИКА М.М. БОГОСЛОВСКОГО «ПЕТР ВЕЛИКИЙ: МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ БИОГРАФИИ»

Реформы Петра Великого, возрастание роли государства и превращение России в великую мировую державу, предписанная сверху европеизация образа жизни, сама необычная личность первого российского императора, манера его поведения произвели огромное впечатление на современников и в России, и за рубежом и накрепко остались в памяти потомков - ни о ком другом из российских монархов не сохранилось столько суждений (и притом разноречивых) в литературе и фольклоре, ни о каком другом российском государственном деятеле XVIII — XIX вв. не писали столь много за рубежом.

В XVIII столетии, в «век Просвещения», Петр I мыслился не только преобразователем России, но и примером государя, который воплощает на практике идеалы политики «просвещенного абсолютизма». Таков образ Петра I в середине XVIII в. и у нашего великого соотечественника М.В. Ломоносова, и у властителя дум западноевропейцев Вольтера. И умная Екатерина II для возвеличения себя сочла наилучшим воздвигнуть в центре основанной Петром новой столицы Империи памятник ему - Медный всадник, где выбито: «Петру Первому Екатерина Вторая» (*Petro Primo Catharina Secunda*), демонстрируя и перед россиянами, и перед всем миром, что именно она — достойная продолжательница его дела и потому тоже может быть названа «Великой». Н.М. Карамзину Петр I представлялся историческим героем, «которому нигде не было подобных»¹.

После резких преобразований и террора Французской революции меняется отношение и к революционным мерам перестройки общества, и к методам действий Петра I. Тот же Карамзин уже в 1811 г. отмечает унижение Петром I родовитого дворянства и необоснованно решительные реформы России на западный лад: «...Увидев Европу, захотел сделать Россию — Голландию»². В изменении оценки деятельности Петра I и степени его новаторства сыграла свою роль и карамзинская многотомная «История государства Российского». Лишь с изданием этих книг убедились не только в значительности героических событий истории России допетровского времени, но стали понимать, что и преобразования Петра опирались на отечественные традиции. Победители наполеоновских армий могли усматривать начало величия России уже в далеком прошлом.

Ярчайшим выражением отношения общества к Петру I были сочинения А.С. Пушкина «Полтава», «Медный всадник» и другие. Пушкин готовил себя и к написанию истории Петра и его времени, выступая наследником Карамзина в историографии. Петр, его деятельность и ее последствия вызывают размышления декабристов и Чаадаева, оказываются в центре споров славянофилов и западников; рассуждения о Петре, сравнения с Петром I мы встречаем в сочинениях Белинского, Герцена и Огарева, Добролюбова и Чернышевского, в разного направления журналах 1850 - 1860-х гг., во многих научных трудах. Имя Петра I обретает знаковое значение символа. Как Колумбами называли и называют первооткрывателей (Ломоносов писал о «колумбах русских», покорявших Северный Ледовитый океан, Пушкин - о том, что «Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка - Колумбом»³; уже в недавнее время Юрия Гагарина именовали «Колумбом космоса»), так Петром I сравнивали строителей, зачинателей, преобразователей. Если снова обратиться

к примеру истории графа Карамзина, то знаменитый филолог И.И.Срезневский в лекциях по палеографии начала 1870-х гг. образно формулировал: «Карамзин как исследователь былых судеб России был тем же, что Петр Великий как строитель судеб ее будущего: оба должны были не забыть ничего»⁴ - и далее характеризовал роль историка в развитии специальных (или вспомогательных) исторических наук — палеографии, нумизматики, хронологии, генеалогии и так далее.

Образ Петра I и представление о содеянном им прочно вошли в обиходную культуру. И в формировании этих массовых представлений произведения литературы и искусства играют едва ли не большую роль, чем издания исторических источников и труды историков. Напомним о «Медном всаднике» работы Э.-М. Фальконе и М. Колло, изваявшей голову императора, о картине Н.Н. Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея», о стремительном Петре, изображенном В.А. Серовым, о романе АН. Толстого «Петр Первый» и экранизации его - так внешность Петра I для большинства совпадает с фигурой Медного всадника (напоминая ширококостного Николая Симонова в фильме), а не с более близкой к сохранившейся «восковой персоне» новой скульптурой М. Шемякина в Петропавловской крепости.

Исторические труды о Петре I и его эпохе составлялись уже в XVIII в. Если первым в истории отечественной исторической мысли пространное сочинение, посвященное одному государственному деятелю, был публицистического стиля полупамфлет князя Курбского о его современнике Иване Грозном, то первым многотомным сочинением историко-биографического жанра, основанным к тому же на многообразной документации, были «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (ч. 1-12) И.И. Голикова, изданные в Москве в 1788-1789 гг.

Особый общественный резонанс вызвали «Публичные чтения о Петре Великом» СМ. Соловьева в Москве в год празднования двухсотлетия со дня рождения царя-реформатора. Для истории Москвы и истории музеев России это знаменательный год, так как московские выставки 1872 г. положили начало и Историческому, и Политехническому музеям. СМ. Соловьев в речи, произнесенной в Московском университете в день рождения Петра I, так определил значение выставки: «Потомство празднует двухсотлетие дня рождения великого человека, и этот праздник есть праздник труда. Указанием на многообразные произведения труда человеческого, указанием на то, что делает наука для усиления труда, хотели мы справить поминки по Петре Великом в нашей старой Москве, обновленной, благодаря Петру, наукой и усилиями народного труда»⁵. Значение свершавшегося в России при Петре I и под его воздействием, предпосылки и последствия петровской реформы и активной внешней политики привлекали особое внимание историков и московской школы (СМ. Соловьева, В.О. Ключевского), и петербургской (И.Н. Бестужева-Рюмина, СФ. Платонова). В работах конца XIX - начала XX в., посвященных отечественной истории, постоянно наталкиваемся на соображения о том, как соотносится тот или иной изучаемый период и до, и после Петра I со временем петровских преобразований. Эпоха Петра Великого — как бы верстовой столб отечественной истории, страница, с которой история России безусловно и у нас на Родине, и за рубежом рассматривается как органическая часть всеобщей истории, оказывающая воздействие на ход всемирно-исторического процесса. О петровской реформе и ее последствиях, о личности самого преобразователя писали и говорили и в канун революции 1917 г., и после нее (к образу действий Петра I обращались В.И. Ленин и И.В. Сталин), пишут и говорят и в наше время и опять-таки в сравнительном плане по отношению к настоящему. В

книге А.Н. Медушевского «Утверждение абсолютизма в России»⁶ абсолютистское государство рассматривается как фундамент и первый шаг на пути формирования тоталитарной системы, а Петр Великий — в ряду харизматических вождей прошлого и современности.

Замысел труда, о котором пойдет речь, складывался у Михаила Михайловича Богословского в предреволюционные годы. Работа последовательная и сосредоточенная началась, видимо, в период Первой мировой войны и потом уже оставалась главным делом ученого. В работе этой отразились и опыт науки тех лет, и общественные настроения.

Монографии книжного типа о М.М. Богословском пока нет. Но ему посвящена большая, основанная на использовании архивных материалов — личного фонда ученого и других — статья академика Л.В. Черепнина, написанная в 1973 г., видимо, как раздел задуманной им монографии «Школа В.О. Ключевского в русской историографии»⁷. О Богословском опубликованы также статья Т.И.Черной, сопровождающая издание его научного наследия, и очерк Т.Н. Халиной⁸.

Родился М.М. Богословский в Москве в 1867 г., жил всегда близ Арбата, учился в Пятой мужской гимназии, где прежде учился В.С. Соловьев, а после него Н.М. Дружинин и Г.В. Вернадский. Гимназистом Богословский, подобно С.М. Соловьеву, был неизменно первым учеником. На историко-филологическом факультете Московского университета, как и некоторые другие ученики В.О. Ключевского, прошел школу основательной подготовки и по отечественной, и по всеобщей истории; был участником семинариев (тогда так произносили это слово) П.Г. Виноградова по всеобщей истории и писал позднее статьи и такой тематики. Был рекомендован к оставлению в университете для подготовки к профессорскому званию (то есть, говоря современным языком, в аспирантуру). Дипломное сочинение, написанное под руководством Ключевского, посвящено писцовым книгам, т. е. памятникам истории допетровского времени. Но, когда ему предложили выбрать тему пробной лекции в 1897/98 учебном году, назвал такую — «Значение реформы Петра Великого в истории русского дворянства». Магистерская диссертация, защищенная в 1902 г., — «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719—1727 гг.». Литература о Петре I 1 тема и одного из его спецкурсов в университете. Петровскому времени особенно много места уделено в его общем лекционном курсе о России XVIII века. Изданная в 1904 г. небольшая книга имела название «Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в.»⁹.

Если в первой диссертации Богословского изучалась «самодержавно-бюрократическая монархия» XVIII в. (по его же определению), то темой защищенной в 1909 г. докторской диссертации стало исследование «самодержавноземской монархии» предшествовавшего времени: конкретное содержание этого понятия раскрыто в двухтомной монографии о земском самоуправлении на русском Севере в XVII в.¹⁰, где мы видим и детальное ознакомление с историей общества в канун петровских реформ, и выявление реальных предпосылок этих преобразований.

В 1912 г. напечатан его небольшой очерк «Петр Великий (опыт характеристики)», а в 1913 г. — уже пространная статья (хотя и популярная по форме изложения) «Император Петр I Алексеевич Великий»¹². С конца 1912 г. Богословский начал готовить большую статью с библиографическим приложением о Петре I для многотомного Русского биографического словаря¹³.

Важно подчеркнуть то, что М.М. Богословский был историком очень широкого профиля. Он читал общие лекционные курсы русской истории (от древнейших времен и включая XIX век) и выступал в печати со статьями и очерками по разным периодам ее. Он деятельный участник обсуждений докладов разнообразной тематики на заседаниях научных обществ, знаток и комментатор источников и по истории

Древней Руси (он считался непревзойденным руководителем семинариев по изучению Русской Правды, Псковской судной грамоты, судебников и др., что отмечают учившиеся у него столь непохожие один на другого академики Н.М.Дружинин, М.Н.Тихомиров, позже Л.В.Черепнин). Широта кругозора в отечественной и всеобщей истории помогли ему уяснить место и значение деятельности и эпохи Петра I во всемирно-историческом контексте, а опыт работы со многими разновидностями исторических источников и архивной эвристики, свободное владение древними и новыми иностранными языками стали прочной базой для сложного по замыслу фундаментального исследования и о Петре Великом, и о России его времени.

В 1911 г. М.М. Богословский занял в Московском университете кафедру В.О. Ключевского, преподавал и на Высших женских курсах, и в Московской духовной академии. Не склонный ни к общественно-политической деятельности (в отличие от А.А. Кизеветтера), ни к административной (как М.К. Любавский), он занимал накануне революции прочное ведущее место среди московских историков и был особенно уважаем виднейшими из петербургских коллег А.С. Лаппо-Данилевским и С.Ф. Платоновым (с которым вскоре вошел в близкие дружеские отношения, отраженные в большой переписке, готовящейся сейчас к печати в Археографической комиссии). Платонов энергично содействовал избранию его в 1920 г. членом-корреспондентом Российской Академии наук, а через год - в 1921 г. - и академиком.

Консерватор по общественным воззрениям и по стилю жизни, Богословский был в то же время чуток к тому, что происходило в обществе (это явствует и из его дневника и переписки). И понятно, что в период революционной ситуации его все более привлекало время реформ Петра I, а ставшие привычными занятия в хранилищах позволяли забываться в любимой исследовательской работе. Искренне и глубоко преданный научной работе, он даже после февраля 1917 г. был убежден: «Наука наукой останется и после испытанной встряски. Методы не поколебались общественными движениями. Наука — одна из твердых скал среди разбушевавшегося моря»¹⁴. Обстоятельства эти (отмеченные уже в литературе о Богословском) действительно имели немалое значение, побуждая ученого именно тогда приступить к такому обязывающему масштабному труду и продолжать его несмотря ни на что. Более того, ученый ощущал потребность в «годину унижения и бед» показывать «нашу славу в прошлом», полагая, что это «подействует нашему возрождению» (такого рода соображения прослежены в дневниковых записях 1915-1917 гг. сотрудниками ГИМ Е.В. Неберекутиной и Т.В. Софроновой, готовящими рукопись «Дневника» к печати)¹⁵.

Но главное состояло в том, что Богословский при огромной требовательности к себе, при склонности к изучению всей совокупности фактов со всеми относящимися к ним деталями (что подчеркивали и ближайший его друг и муж его сестры С.К. Богоявленский, и С.Ф. Платонов), долго не чувствовал себя готовым к выполнению задачи написания подробной, буквально поденной биографии Петра Великого. Ведь для него биография Петра — это и личная жизнь и деятельность царя, и русское общество, и международные отношения того времени.

Не позднее 1909 г. он пришел к убеждению, что историки не правы, интересуясь «исключительно деятельностью самого царя-реформатора», полагая, что общество оставалось в стороне, было лишь инертной массой и Петр «изображался как скульптор, обтесывающий грубую, с трудом поддающуюся его резцу глыбу, придающий ей формы и превращающий в статую. Внимание исследователей всецело было поглощено скульптором, его мыслями, планами и действиями, и совершенно пренебрегало тем материалом, над которым он работал»¹⁶. И потому М.М. Богословский так приветствовал выводы Н.П. Павлова-Сильванского, опровергшего подобное мнение и выявившего в обществе силы, поддерживавшие

Петра и даже инициировавшие его действия. В то же время он не соглашался с теми, кто думал, что Петр подчас механически воспринимал имеющиеся чужие образцы или легкомысленно следовал подсказкам. Еще в тексте лекции 1897 г. ставит он и вопрос о власти царя и дворянстве. В статьях и дневнике встречаются мысли о роли земских соборов, о «революции в формах Разинщины и Пугачевщины». Он полагал, что «революция — роскошь, которую могут позволить себе лишь развитые общества, не вчерашние рабы»¹⁷ (показательно, что эта запись в дневнике мая 1917 года!).

Только апробируя источниковедческие навыки, составив достаточно цельное представление — и общесоциологическое, и о конкретике российской истории (причем и в диахронном, и в синхронном рассмотрении), — Богословский решился приступить к главному труду своей жизни. Имея уже некоторый опыт работ по этой тематике, он заметил не без юмора в дневнике 1916 г.: «Чтобы написать историю Петра Великого, надо самому быть вроде Петра Великого»¹⁸.

Через два года, в 1918 г., ученый писал академику А.С. Лаппо-Данилевскому, как и он, не сочувствовавшему ни лозунгам, ни действиям новой власти: «Только в научной работе и я нахожу душевное равновесие, и большое счастье, что у нас такая работа есть, я всецело погружен в... биографию Петра, которая начинается, однако, меня пугать своими размерами. Я поставил себе задачу описать его жизнь за каждый день этой жизни, в корне притом пересматривая все источники (изданные) и по мере возможности обращаясь и в архивы. Очень сожалею, что не начал этой работы, когда был моложе. Теперь уже не смогу довести ее до конца, но, может быть, найдется кто-либо продолжатель. Пересмотр вопроса о Петре открывает мне немало нового, потому так к себе и привлекает»¹⁹. Но и не имея надежды увидеть начатый труд завершенным, историко увлечением и неотступно продолжал эту работу до самого конца жизни. Работал с чувством долга перед наукой и Родиной.

Богословский не отступал от принятого плана, который требовал скрупулезного и последовательного исследования. Он буквально жил впечатлениями от воспринимаемого из исторических источников, говорил и писал об этом близким. Обычно почти сразу почерпнутое в архивах воплощал в текст будущей книги. За два месяца до кончины он пишет С.Ф. Платонову в Ленинград: «Я работал параллельно: середину дня посвящал добыванию документов в Архиве, а утро — их обработке. Совсем отрешился от современности и ушел в 1700-й год»²⁰.

Богословский работал так, чтобы его методика была ясной для тех, кто станет продолжать начатое им дело. Манера написания (составления) книги, в какой-то мере выглядящая старомодной, восходит к традициям становления исторической науки, когда она казалась не отделившейся еще от литературы и искусства, и Клио чувствовала себя своей в сонме других муз. Рассуждения психологического порядка (о личностном и об общественном в сознании Петра I и его эпохи; оценки, иногда осуждающие нравственные критерии тех лет) ведут нас к морализирующим апофеогмам «Истории» Карамзина.

Ученый избрал приемы изложения, восходящие, пожалуй, к книге М.П. Погодина о Карамзине, в еще большей мере к труду Н.П. Барсукова — автора многотомной биографии самого Погодина (учитывая также и позитивный опыт создания более близких по времени написания книг — незавершенной «Истории Екатерины II» В.А. Бильбасова и сочинений великого князя Николая Михайловича). Но насколько выше по подъему мысли, историографическим суждениям, литературному мастерству труд Богословского, сколько в нем убеждающей читателя источниковедческой основательности! Как интересен он не только для познания жизни Петра I и России его времени, но и для эстетики лаборатории научной мысли историка! Как выявляется в этом сочинении воспринятое уже у Соловьева, Забелина, Ключевского, Платонова!

Богословский был строг в требованиях к стилю изложения, к архитектонике книг по истории, особенно ценил красоту системы доказательств. Он резко отзывался о недостатках построения последних томов «Истории» СМ. Соловьева, еще резче о некоторых современных ему монографиях. «Во всех этих томах по русской истории не встретишь не только мысль, но хоть бы мыслёнку; все материалы и материалы, мелочь, гробокопательство. Досадно, маленькая книжка СМ. Соловьева, статья К.С. Аксакова были куда более значительны, чем теперешние фолианты, в которых печатаются груды сырья...» — записывал он в дневнике 1916 г., времени, когда утверждался в его сознании детальный план исследования о Петре Великом. В историческом труде, по мнению Богословского, должно ощущаться «размышление автора над добытыми материалами»²¹. Так, П.В. Анненков озаглавил свое сочинение - «Материалы к биографии Александра Сергеевича Пушкина», академик П.С. Билярский - «Материалы для биографии Ломоносова». Слово «Материалы» в заголовках трудов Я.К. Грота, П.П. Пекарского, М.И. Сухомлинова и других ученых тех годов — это и показатель представлений ученого о преемственности в развитии науки. Характерно и то, что если многие историки предпочитают ограничиваться ссылками лишь на издания недавних лет, то Богословский не раз возвращает читателя и к многотомной «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова, опубликованной еще в середине XIX в.

Богословскому были чужды и публицистическая направленность, и фактологическая громоздкость, и излишне наукообразные речевые обороты исторической литературы, и нарочитые красоты. Он стремился писать так, чтобы его труд был необходим ученому специалисту и одновременно стал бы привлекательным и для широкой публики. И при этом воспринимался бы всеми прежде всего как основательное исследование. А «историческое исследование — это как бы некоторый фонарь — удивительный, прямо магический инструмент в руках историка: он обладает способностью освещать и как бы воскрешать далекое прошлое»²² — так заявлял ученый, обращаясь к коллегам-академикам на годовом собрании Академии наук в 1926 г.

К дореволюционному периоду относится лишь начальная стадия работы. Тогда, видимо, уяснились и основные принципы ее, которых автор неизменно придерживался, хотя в послереволюционные годы сознательно рушились традиционные представления и о ходе истории (М.Н. Покровским насаждалась социологическая и обычно безликая вульгаризация в показе и объяснении событий прошлого), и о литературных традициях русского языка. Богословский, лишенный уже права как буржуазный «спец», немарксист читать лекции в университете, но продолжавший вести большую исследовательскую, наставническую и организационную работу в Институте истории РАНИОН, в Историческом музее, в первое время и в архивном ведомстве (особенно пока во главе его стоял Д.Б. Рязанов), целенаправленно следовал дорогим ему традициям науки, даже не имея надежды увидеть напечатанным при жизни в таком духе написанный труд. Работал в охотку, не стесняя себя в изложении мысли — ни в содержании, ни в стилистике, что прослеживается по письмам к академику С.Ф. Платонову (где сообщал и о переписке «своего Левиафана, или, скорее, «чудища обла и так далее»)²³ и отражено в авторском предисловии.

Это была его основная работа как академика. Части ее М.М. Богословский печатал в академических и других схожего типа малотиражных изданиях (об этом узнаем из перечня печатных трудов историка)²⁴. В 1920 г. издал в Москве и научно-популярную книгу «Петр Великий и его реформа» (близкую к тексту прежних его трудов об этом времени). К юбилею 200-летия Академии наук подготовил доклад «Русское общество и наука при Петре Великом». Намерен был написать небольшую популярную книгу для серии издательства Брокгауза-Ефрона «Образы человечества», но замысел этот,

очевидно, остался неосуществленным: в архиве ученого нет чего-либо, напоминающего такое сочинение. Да и вряд ли, если бы имелся предназначенный для подобного издания текст Богословского, его друг академик Платонов издал бы в 1926 г. книгу схожего типа — «Петр Великий: личность и деятельность».

«Предисловие» к труду датировано М.М. Богословским 15 августа 1925 г., когда уже, видимо, была завершена основная работа над первыми тремя томами «Материалов». «Предисловие» примечательно ощущением чувства собственного достоинства, верой в правоту своего дела. Начинается оно так: «Целью настоящего труда было дать, насколько возможно, более подробное описание жизни и деятельности Петра Великого. Для этого я старался собрать все те известия, которые сохранились о нем в разного рода памятниках. Свой рассказ я располагал по возможности в простейшем хронологическом порядке. Я старался, насколько позволяли источники, восстанавливать жизнь Петра день за днем, изображать ее так, как она протекала в действительности, наблюдать совершенные им действия, разгадывать одушевлявшие и волновавшие его чувства, представлять себе воспринятые им ежедневные впечатления и следить за возникавшими у него идеями. Есть особая прелесть в том, чтобы следить за жизнью исторического деятеля, переживать ее вместе с ним, как бы воскрешая его. Есть не меньшая прелесть в том, чтобы, наблюдая эту отдельную жизнь, изучать и восстанавливать ту историческую обстановку, то есть те события и тот быт, среди которых эта жизнь протекала, с одной стороны, оказывая на них свое, и в настоящем случае могущественное, воздействие, с другой — в большей или меньшей мере испытывая на себе их влияние.

О Петре Великом написано, конечно, очень много. Два недостатка в этой огромной литературе всегда мне бросались в глаза: в области фактов — их не всегда критически твердо установленная достоверность, в области общих суждений — их не всегда достаточная обоснованность. Развиваясь под влиянием общих философских систем, наша историография иногда делала слишком поспешные и не опиравшиеся на факты обобщения, опережавшие разыскание и критику фактического материала. Мне хотелось собрать факты, достоверные факты, которые, будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к надежным общим суждениям. На своей дороге я встретил немало затруднений, главным из которых было самое изложение фактов. Несравненно легче строить широкие обобщения, чем изложить даже простой, но критически проверенный факт так, чтобы за достоверность изложения можно было вполне поручиться. Чем обобщение шире, тем построить его легче...» Завершается «Предисловие» словами: «Невозможно предвидеть, когда этот мой труд по условиям типографского дела и по разным другим соображениям смог бы появиться в печатном виде, и появится ли вообще когда-нибудь. В том постоянстве, с которым я, однако, непрерывно вел эту работу за последние годы, меня поддерживал пример наших древних летописцев и книжных «писателей», не отступавших перед мыслью, что труд их останется на долгие и долгие годы в единственном рукописном экземпляре»²⁵.

И даже после того, как на Богословского внезапно обрушилось тяжкое горе — через три дня после написания «Предисловия» утонул единственный сын-студент, — работа продолжалась. Более того, она стала с тех пор единственной отрадой, воспринималась, по существу, как долг, завещанный от Бога, как у пушкинского Пимена-летописца. Богословский сознательно загружал себя работой: писал на другие темы — воспоминания об учителях и коллегах, — дал согласие на участие в академическом издании Русской Правды. (Эту инициативу Археографической комиссии, реализация которой была насильственно прервана в 1929 г., осуществляли потом под руководством Б.Д. Грекова только с середины 1930-х гг.). Но здоровье сдавало. В письме Платонову от 3 апреля 1929 г. Богословский

сожалеет, «что приходится прерывать работу в Архиве и по накоплению материалов для дальнейшего»²⁶.

Изложение событий в «Материалах для биографии» Богословский успел довести до лета 1700 г. Части рукописи (составившие при издании три первых тома) были перепечатаны при жизни ученого в трех экземплярах. Он пересылал их в Библиотеку Академии наук в Ленинград (сообщая об этом в письмах к Платонову), передавал и в Библиотеку имени Ленина. Очевидно, один экземпляр оставался у него. Однако сейчас в личном фонде академика Богословского в Архиве Российской Академии наук хранятся полный рукописный текст²⁷ и машинописный экземпляр лишь первого тома²⁸.

Из первого изданного тома узнаем о событиях до 9 марта 1697 г. В книге три раздела - «Детство», «Юность», «Азовские походы». Второй том, состоящий из двух частей, посвящен первому заграничному путешествию в марте 1697 - августе 1698 г.: часть первая - «Курляндия. Бранденбург. Голландия»; часть вторая - «Англия. Саксония. Вена. Польша». Том третий повествует о событиях 1698-1699 гг. Заголовки его частей: «Стрелецкий розыск», «Воронежское кораблестроение», «Городская реформа 1699 г.», «Карловицкий конгресс». Том четвертый - о событиях 1699-1700 гг. Заголовки частей: «Русско-датский союз», «Керченский поход», «Дипломатическая подготовка Северной Войны», «Реформы и преобразовательные планы Петра 1699-1700 гг.», «Начало войны Дании и Польши со Швецией и приготовление Петра к Северной Войне». В незавершенном томе пятом рассказывается только о посольстве Е.И. Украинцева в Константинополь в 1699—1700 гг.

Двадцатого апреля 1929 г. М.М. Богословский скончался. Похоронили его при большом стечении людей на Новодевичьем кладбище. Состоялись заседания памяти ученого. Извещения о смерти поместили в газетах. Но некролог напечатали только в Ученых записках Казанского университета за 1929 г.²⁹ Другие некрологи в СССР - ни в Москве, ни в Ленинграде - не напечатали³⁰. Близилось начало сфабрикованного ОГПУ так называемого Академического дела - дела академиков-историков (ленинградцев С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.П.Лихачева, в Москве - М.К. Любавского) и других видных ученых. В сценарии, реализовывать который стали с осени 1929 г., Богословскому отводилась роль главного сподвижника Платонова, руководителя московских «заговорщиков» (сейчас началось издание материалов следствия³¹, появилось немало работ, в той или иной мере характеризующих эту пагубную для гуманитарных наук и краеведения провокацию тоталитарного режима).

В архивах имеются материалы памяти ученого. Можно полагать, что намеревались издать сборник его памяти. А.В. Мельников подготовил для Археографических ежегодников некролог Богословского, написанный Платоновым³², очень теплый и уважительный (предназначавшийся, видимо, для академического официального издания), и другие материалы мемориального характера: среди них воспоминания С.В. Бахрушина, вскоре арестованного по «Академическому делу».

Понятно, что имя Богословского после «Академического дела» первоначально замалчивали. Когда обрушились на «школу Покровского» и вернули к научной деятельности коллег Богословского и Платонова (скончавшегося в январе 1933 г.), издали снова в 1937 г. платоновские «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.» и приступили к подготовке к печати труда Богословского о Петре Великом. Издание было подготовлено Натальей Аполлинариевной Баклановой, ученицей Богословского, пострадавшей до того за сотрудничество с ним, под редакцией профессора Владимира Ивановича Лебедева, тогда едва ли не единственного члена партии среди видных специалистов по периоду

феодализма в России. Первый том издали в 1940 г., второй - в 1941 г., третий (очевидно, подготовленный еще до войны) - в 1946 г., четвертый и пятый — в 1948 г.³³

Издание необычайно обогатило наши знания о Петре Великом и его времени. Книги насыщены интереснейшими, зачастую впервые вводимыми в научный обиход подробностями о быте и культуре в России и в зарубежье, о системе управления и делопроизводства, войнах и дипломатии той поры, о самом Петре и его окружении. Исследование отличает большое литературное мастерство. Оно является образцом и источниковедческого анализа (и притом доступного и читателю-неспециалисту).

И естественно, что в наше время возникло желание переиздать эти книги, ставшие библиографической редкостью и остающиеся и по сей день самой подробной и выверенной биографией Петра I и истории России последней четверти XVII столетия.

К подготовке нового издания был привлечен мой ученик, молодой сотрудник Археографической комиссии Российской Академии наук Андрей Васильевич Мельников (это тема и его дипломной работы в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета, и докладов на научных конференциях). Оказалось, что и в Библиотеке Академии наук в Петербурге, и в Российской государственной библиотеке в Москве не обнаруживаются сейчас машинописные экземпляры труда Богословского. Тщательно ознакомившись с рукописями личного фонда Богословского в Архиве РАН, Мельников выяснил, что при издании 1940-х гг. в авторский текст вносилась значительная конъюнктурная правка³⁴ и там имеется даже особое архивное дело с машинописными текстами, не вошедшими в изданный в 1946 г. третий том³⁵.

Изменен авторский заголовок труда (у Богословского «Петр Великий», в издании «Петр I»), опущен немецкий эпиграф, сокращена уже самая первая фраза. Было написано: «Петр Великий родился в Москве в Кремлевском дворце в ночь на четверг 30 мая 1672 г., на память преподобного Исаакия Далматского»³⁶; в издании опущена последняя часть фразы о памяти Исаакия. И далее устраняются упоминания о церковных праздниках, изменяются наименования (вместо «Немецкой слободы» — «Иноземная слобода» и другие). И, что еще более существенно, — устраняются иногда тексты с цитатами из источников и с размышлениями автора о степени их достоверности (особенно о сочинениях иностранцев). Внесены изменения в авторский литературный стиль, модернизирован язык.

Не включены в издаваемый текст замечания Богословского, неприятные для памяти Петра Великого, хотя и близкие к наблюдениям Пушкина о законах его, писанных кнутом. Например, осуждение обрезания бород как «грубой и до крайности резкой выходки человека, увлекшегося западноевропейской внешностью», модами и не находящего «своим выходкам преград»³⁷, или такие фразы: «Человеческая жизнь ничего не стоила в то время и человеческая личность не была ограждена никаким правом против грубой и безжалостной машины политического розыска. Ничего не стоило выхватить человека из его мирной житейской обстановки, подвергнуть его всем ужасам тогдашнего следствия и затем равнодушно по миновании надобности выбросить его труп из застенка»³⁸. Такое в период сталинского террора публиковать не решались. Так же как и сравнение в явно негативном плане с Иваном Грозным в те годы, когда «опричное войско» было охарактеризовано Сталиным как «прогрессивное»: «Царь, сидящий в кресле, любующийся истязаниями подданных - эпизод, относящий нас во времена Ивана Грозного»³⁹. Не внесены в текст и рассуждения автора о совершенно необычном исполнении царем обязанностей палача: «И если он не мог удержаться от роли

следователя, то по тому же самому он не мог не выступить и в роли палача»⁴⁰.

Оказались ненапечатанными и соображения Богословского о том, что у Петра не сразу оформился в сознании план преобразований и вообще не было четко сложившегося представления об этом: «То, что мы будем потом называть общим и отвлеченным термином «реформа» Петра Великого, слагалось из таких отдельных повседневных явлений, наталкивавших, естественно, на перемены и преобразования. Не будем забывать, что перед Петром никогда не было общего, заранее обдуманного и соображенного плана реформы, общей идеи о реформе, как таковой. Такое мышление не было вообще свойственно людям конца XVII и начала XVIII века, и оно навязано им учеными мыслителями XIX столетия»⁴¹.

Подобные историко-социологические наблюдения не соответствовали политико-социологическим закономерностям в поведении вождей, утверждавшимся И.В. Сталиным в его сочинениях, особенно в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (о якобы ясной и четко прослеживаемой политической линии руководства партии Ленина - Сталина уже с начала XX в.). Опираясь на такой материал, можно даже попытаться написать статью о том, что именно опасались опубликовать о Петре Великом современники «великого Сталина» (с наблюдениями социопсихологического порядка).

Совершенно очевидно, что труд Богословского был подготовлен так, чтобы он оказался угодным Сталину, заказавшему среди фильмов на исторические темы и фильм о Петре Первом.

Однако не будем торопиться осуждать готовивших труд Богословского к печати; тем более что издание сопровождалось ценным объяснительным словарем и указателями имен и географических названий. Поблагодарим зато, что они все-таки сумели сделать, вернув читателю имя выдающегося историка и познакомив с по-настоящему обстоятельным жизнеописанием Петра Первого. Не сделай они этого тогда, труд Богословского, даже с большего масштаба конъюнктурной правкой, мог бы в период появления статей разоблачительного характера о его сподвижниках в науке А.С. Лаппо-Данилевском, А.А. Шахматове и А.Е. Преснякове и вовсе не увидеть свет. Показательно, что в рецензии негативной направленности на сборник статей 1947 г. «Петр Великий», напечатанной в № 4 журнала «Вопросы истории» за 1948 г. (то есть в год выхода в свет последних двух томов труда Богословского), напомнили и об этом издании: автора статьи «Эпоха Петра Великого в освещении советской исторической науки» профессора Б.Б. Кафенгауза упрекнули в том, что он не разобрал «принципиальные ошибки, содержащиеся в книгах М.М. Богословского и в предисловии к I тому «Петр I», где автор откровенно высказывает реакционные взгляды». Замечания Богословского о том, что легче строить широкие обобщения, чем достоверно изложить факты, расценивались как «выпад против советской исторической науки, которая базируется на теории марксизма-ленинизма и требует, чтобы историки не только собирали факты, критически их проверяли, но и обязательно делали из них соответствующие обобщения и выводы». Отметили как «недостаток» редакторского предисловия (В.И. Лебедева) то, что автор его «устранился от подробного критического разбора идеалистической концепции М.М. Богословского»⁴².

Ясно, что, готовя новое издание исследования М.М. Богословского о Петре Великом, необходимо буквально построчно сверять напечатанный уже текст с авторской рукописью (или авторизованной машинописью, если ее удастся обнаружить). Такое издание готовят в Археографической комиссии РАН при материальной поддержке Правительства Москвы. Ведь написанное Богословским посвящено именно московскому периоду правления Петра, и в изложении его содержится много интереснейшего о Москве тех лет и о москвичах. Труд академика Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» намерено выпустить в свет

издательство «Наука». Подготовка к печати этого издания началась в 1999 г., в год Пушкина, так ярко изобразившего Петра Великого, его время, его место в истории России.

Издание это важно не только для познания петровского времени, но и для истории нашей науки и общественного сознания. Труд академика М.М. Богословского-памятник и Петру Великому, и отечественной исторической мысли.

- ¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 253.
- ² Он же. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.
- ³ Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М; Л., 1952. Т. 8. С. 703; Пушкин А.С. Сочинения: В 10 т. Л., 1978. Т. 8. С. 49.
- ⁴ Срезневский И.И. Славяно-русская палеография XI-XVI вв.: Лекции, читанные в Императорском С.-Петербургском Университете в 1865-1880 гг. СПб., 1885. С. 10 и след.
- ⁵ Цит. по: Цимбаев И. Сергей Соловьев. М., 1990. С. 344.
- ⁶ См.: Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
- ⁷ См.: Черепнин Л.В. Отечественные историки XV1H-XX вв.: Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 333.
- ⁸ См.: Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная: Научное наследие. М., 1987; Халина Т.Н. Михаил Михайлович Богословский (1867-1929) // Историки России XVIII-XX веков. М., 1995. Вып. 2. С. 32-42; см. также: Она же. «В науке приятно быть и простым чернорабочим»: Михаил Михайлович Богословский // Историки России XVIII - начала XX века. М., 1996. С. 658-685.
- ⁹ См.: Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-27 гг. М., 1902; Он же. Быт и нравы русского дворянства в первой половине XVIII в. М., 1904 (2-е изд. М., 1918).
- ¹⁰ Он же. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1909-1912. Т. 1-2.
- ¹¹ Он же. Петр Великий (опыт характеристики) // Три Века. Россия от Смуты до нашего времени: исторический сборник / Под ред. В.В. Каллаша. М., 1912. Т. 3. С. 15-33.
- ¹² Он же. Император Петр I Алексеевич Великий// Государи из дома Романовых. 1613-1913: Жизнеописания / Под. ред. Н.Д. Чечулина. М., 1913. Т. 1. С. 148-300.
- ¹³ Подробнее см.: Мельников А.В. К истории замысла труда М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // Материалы конференции, посвященной 60-летию исторического факультета Уральского государственного университета (в печати).
- ¹⁴ Цит по: Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII-XX вв. С. 115.
- ¹⁵ См.: Неберекутина Е.В., Софронова Т.В. Дневник М.М. Богословского // Археографический ежегодник за 2000 год (в печати).
- ¹⁶ Богословский М.М. Памяти (Н. П.] Павлова-Сильванского // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. С. 94.
- ¹⁷ Цитпо: ЧерепнинЛ.В. Отечественные историки XVIII-XX вв. С. 113.
- ¹⁸ Там же.С. 116.
- ¹⁹ Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. С. 141-142.
- ²⁰ ОР РНБ, ф. 585 (С.Ф. Платонов), оп. 1, д. 2329, л. 10 об. (сведениями этими обязан А.В. Мельникову).
- ²¹ Богословский М.М. Научное значение [работ] СМ. Соловьева // Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. С. 21-22 (цит по: Черепнин Л.В. Отечественные историки XV1H-XX вв. С. 121-122).
- ²² Богословский М.М. Русское общество и наука при Петре Великом: Речь академика М.М. Богословского в торжественном годовом собрании Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик 2 февраля 1926 г. Л., 1926. С. 3.
- ²³ ОР РНБ, ф. 585, оп. 1, д. 2325, л. 17 об.
- ²⁴ Наиболее полный «Список печатных трудов М.М. Богословского», подготовленный А.В. Мельниковым, публикуется в Археографическом ежегоднике за 1999 год.
- ²⁵ Богословский ММ. Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. I. С. 10-11.
- ²⁶ ОРРНБ, ф. 585, оп. 1, д. 2329, л. 16—16 об.
- ²⁷ АРАН, ф. 636 (М.М. Богословский), оп. 1, д. 4-8.
- ²⁸ Там же, оп. 1, д. 4 а.

- ²⁹ Сыромятников Б.И. Памяти М.М. Богословского. 1867 - 20.IV.1929 // Учен. зап. Казанского университета. Казань, 1929. Кн. 2. Отд. 5. С. 394-396.
- ³⁰ За рубежом была опубликована статья: Кизеветтер А.А. Две утраты: М.М. Богословский и А.Е. Пресняков//Современные записки. Париж. 1930. Т. 41. С. 511-519.
- ³¹ См.: Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993; Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле. СПб., 1998. Ч. 1,2.
- ³² Платонов С.Ф. Неизданный некролог М.М. Богословскому / Подгот. А.В. Мельников//Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 388-396.
- ³³ Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии /Под ред. проф. В.И. Лебедева. М., 1940. Т. 1. С. 3-435; М., 1941. Т. 2. С. 3-624; М., 1946. Т. 3. С. 3-502; М., 1948. Т. 4. С. 3-515; М., 1948. Т. 5. С. 3-316.
- ³⁴ См.: Мельников А.В. К истории публикации труда академика М.М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // Источниковедение и краеведение в культуре России: Сборник к 50-летию служения Сигурда Оттовича Шмидта Историко-архивному институту. М., 2000. С. 444-447.
- ³⁵ АРАН, ф. 636, оп. 1, д. 36 («Акад. М.М. Богословский. Петр I. Том третий. Текст, не вошедший в издание 1946 г.»), л. 1-65.
- ³⁶ Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 1. С. 13 (ср.: АРАН, ф. 636, оп. 1, д. 4, л. 1а- 1).
- ³⁷ АРАН, ф. 636, оп. 1, д. 6, л. 8.
- ³⁸ Там же, л. 59.
- ³⁹ Там же, л. 139. "
- ⁴⁰ Там же. л. 80.
- ⁴¹ Там же, л. 165.
- ⁴² Анпилогов Г. Рец. на кн.: «Петр Великий: Сборник статей под редакцией доктора исторических наук А.И. Андреева». Л., 1947. Вып. 1 // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 122